

Один из ближайших томов «Литературного наследства» будет посвящен публикации переписки А. М. Горького и Леонида Андреева. Редакции «Литературного наследства» удалось разыскать около двухсот их писем, находящихся в десятке мест хранения: в Архиве А. М. Горького Института мировой литературы Академии наук СССР, в собрании рукописей Калифорнийского университета (США), у Вадима Леонидовича Андреева (сын писателя), в Центральном государственном историческом архиве, в Центральном государственном архиве литературы и искусства, в ряде частных собраний. Копии некоторых писем Горького, в подлинниках не сохранившихся, оказались обнаруженными нами в дневниках Андреева; копии других утраченных писем — в материалах перлюстрации департамента полиции. Переписка Горького и Андреева охватывает период времени с 1899 по 1915 год.

Горький сыграл огромную роль в литературной судьбе Андреева. С великим упорством он стремился направить творчество Андреева на путь служения прогрессу. Сам Андреев прямо указывал в автобиографическом очерке: «Пробуждением истинного интереса к литературе, сознанием важности и строгой ответственности писательского звания я обязан Максиму Горькому».

Некоторые отзывы Горького о произведениях Андреева («Красный смех», «Жизнь человека», «Елеазар» и др.) по своему характеру подчас приближаются к критическим статьям. Но значение этой переписки неизмеримо шире: горьковские оценки произведений Андреева имеют гораздо более общий, принципиальный характер. Кроме того, в большинстве писем Горького содержатся обширные характеристики многих современных общественных и литературных явлений. Поэтому переписка Горького и Андреева значительно обогащает наше представление об эстетических взглядах Горького, о его деятельности в эпоху первой русской революции. Споры Горького и Андреева по философским и морально-этическим проблемам прекрасно раскрывают эволюцию мировоззрения Горького.

В том «Литературного наследства» будут также включены другие новые документальные материалы, характеризующие взаимоотношения Горького и Андреева: предисловие Горького к роману Андреева «Сашка Жегулев», высказывания Горького об Андрееве в письмах к другим адресатам, статьи Андреева о Горьком и его высказывания о Горьком в письмах к разным лицам. Переписка Горького и Андреева по своему содержанию, по многообразию затронутых в ней тем, несомненно, занимает выдающееся место в эпистолярном наследии родоначальника советской литературы.

«Литературная газета» публикует сегодня в выдержках некоторые из писем А. М. Горького к Леониду Андрееву.

И. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
18 июня 1957 г. № 73

НОВЫЙ ТОМ «ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА»

А. М. Горький и Леонид Андреев

БЕЗ лишних слов говорить лучше. Если у вас, Леонид Николаевич, есть что-либо готовое, то, пожалуйста, посылайте ко мне, — я постараюсь, буде окажется возможным, пристроить ваши вещи в «Журнал» для Всех» и в «Жизнь». Могу также в «Мир Божий».

Я телеграфировал вам из Ялты, чтоб вы послали рассказ Мироллюбову — это редактор «Журнала» [для] Всех» — вы послали? Относительно гонорара рекомендую с этим журналом не стесняться — он хотя и рубль стоит, но доходы имеет большие.

Вы пишете год, я — семь. По праву старшинства моего позвольте дать вам несколько советов. Рассказы ваши страдают длиннотами — этого надо избегать. Язык у вас небрежен — обратите на это внимание, теперь публика стала весьма эстетична — это к ней идет, как роза к свинье, и всякое лыко ставит в строку. Лучший ваш рассказ «Баргамот» и «Гараска» — сначала длинен, в середине превосходит, а в конце вы сбились с тона. Пишите, однако, так, как вам кажется лучше, как вы хотите писать, не взирая ни на какие похвалы и порицания. Компактности, сжатости изображения учиться у Чехова, но боже вас сохрани подражать его языку! Язык Чехова неподражаем, и вы только испортите себя, если увлечетесь им. Это красавица — но бесстрастная, она никому не подражает, а учитесь лишь у великих — у Шекспира изображению ощущений, у Тургенева — искусству чувствовать и изображать природу, у Чехова — грации построения рассказа.

Запомните, пожалуйста, вот что: самым строгим и беспощадным судьей своих работ должны быть вы сами...

Остерегайтесь похвал, не обращайтесь внимания на порицания, паче всего бойтесь понравиться самому себе. Со дня, в который вы почувствуете себя удовлетворенным — бросьте писать, ибо дальше ничего путного не выйдет. Самовольный человек никогда не создаст ничего нужного жизни и людям — ничего ценного.

Влагайте в дело писательства всего себя, всю свою личность и всегда не стесняйтесь говорить именно то, что думаете и чувствуете, именно теми словами, которые найдете самыми лучшими. Будьте всегда искренни.

Простите за советы. Я молод для того, чтоб учить. Но меня никто не учил, и я потерпел от этого много горя, сделал много ошибок, я насиловал себя, — а это так гнусно, так больно. Если б этими словами я хоть немного помог вам выйти на дорогу, определить себя — был бы счастлив.

У вас есть сердце, это очень хорошо, вам нужно немножко пострадать, и у вас будет талант больший, чем есть...]

(Из письма от середины апреля 1899 г.)

МОЛОДЕЖЬ любит тебя пока что — авансом, ибо, кроме «Темной дали», вы, сударь, пока ничего ей не дали. По нынешним дням ей потребно жизнерадостное, героическое, с романтизмом (в меру). И — говорю серьезно — надо что-нибудь писать в таком тоне. Ибо — как никак — а в России совершается революция, — не та, при которой на улицах дерутся и королям головы отрубят — а другая, более серьезная. Происходит развал того философского и этического базиса, на коем основано благополучие мещанства...] Бей, значит, проповедника любви Меньшикова, ибо он того ради, прохвост, любовь проповедует, чтобы его жизнь не беспокоила трагизмом своих противоречий. Бей мещанина! Ибо он любит везде воздвигать ограды...]

(Из письма от начала декабря 1901 г.)

БЫЛ я в Ялте третьего дня. Стою у пристаней и вижу — воз, нагруженный серым солдатским сукном, из которого осенью облака делают. Подошел к возу старый нищий, весь в лохмотьях, пощупал сукно пальцами и говорит извозчику: «А сукнецо-то дрянное!» — «Не тебе носить...» — сказал извозчик. «Дрянное сукнецо!» — уверенно повторил нищий. «Да тебе какое дело? — говорит извозчик, — не для тебя сукно». — «Знаю, — сказал старик, улы-

НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА

баясь, — знаю, что не мне... дак я его хоть обругаю...» Я думаю, Леонид, что старик этот — во дни своей юности был литературным критиком, а может быть он и теперь пишет критические статьи в каком-нибудь литературном приюте нищих духом. Лучшим критиком на мой взгляд всегда является беллетрист. Я, например, серьезно уверен, что никто не может написать лучше меня статьи о М. Горьком и что если я напишу такую, — очень немного останется в М. Горьком для поклонения публики. Дело в том, что можно относиться к самому себе вполне искренно, не уродяя своей души, не разжывая себя, как гриб. «Трое» тебе нравятся? Зря. Скверно, душечка, написано это произведение — будем говорить по совести — скверненько. Вещица — однобокая. Видишь ли что: вся жизнь — все, что вокруг нас вертится и ревет — все это сводится к одному: к борьбе раба за свободу, господина — за власть и свободу власти. В «Троих» это не показано. В течение жизни моей я стучал кулаками по многим истинам, чтобы узнать, что у них внутри, и все они звучали под ударами моими, как пустые горшки. Только вера — вот истина, дающая при ударе по ней звук живой и полный. В «Троих» это не показано. Вообще — эта книжка — как вообще все мои крупные задачки — не удалась мне. Наплевать. Я еще попробую...]

(Из письма от конца декабря 1901 г.)

АТЫ напиши рассказ, в котором торжествовала бы добродетель, и чтобы так хорошо торжество ее на мещанского читателя подействовало — как, например, пощечина и рвотное действует. Пусть и добродетель торжествует, надо быть справедливым! Но — друг! — будь злым, будь мрачным, но — не будь пессимистом! Пессимизм — философия обвешихся, обожравшихся. Мы с тобой не очень много вкусенького накушались. Никогда в моем прошлом я не пил капли счастья, не одобренной ядом, да и ныне тоже не очень. Не будь пессимистом, клятвенно умоляю!...

Девизом нашим должно быть — не — вперед только, а — вперед и выше!...

(Из письма от второй половины января 1902 г.)

Я ПРОЧИТАЛ твое последнее письмо и — понял, что у тебя скверное настроение. Сие — непохвально и преждевременно. «Друг

мой, брат мой! ...Кто б ты ни был — не падай презренной душой», — как пел поэт Надсон, которого мне ужасно хочется назвать — Сверхсон. Я тебе вот что скажу: тебя я искренно люблю, потому что ты — анархист, ты талантливый анархист, ты никогда не выродишься в мещанина. Ты можешь отрастить себе брюхо даже до подбородка, но я знаю, что штука, которую называют душой, жиром у тебя не зарастет. Ты, мне кажется, никогда не почувствуешь себя довольным собой, и не помирись со счастьем, цена которому, по самой благодушной оценке, — пятачок.

Вот, если ты хотел, чтобы я объяснился в любви к тебе, — на! Я — не вру ни на одну десятую градуса. Меня, брат, самого очень интересовало мое отношение к тебе, и я в нем разбирался, как хирург в кишках больного, не беспокойся, мон анж.

(«Мон анж» — словечко французское и обозначает собой «мой ангел», — как говорит жена, — чтоб ты знал.)

Ты — пиши, знай. Пощипли «Мысль» мещанскую, пощипли их Веру, Надежду, Любовь, Чудо, Правду, Ложь — ты — все потрогай! И, когда ты увидишь, что все сии устои и быки, на коих строится жизнь теплая, жизнь сытая, жизнь грешная, жизнь мещанская, зашагаются, как зубы в челюсти старика, — благо ти будет и — долготелен будешь на земли. Ей-богу! Прости меня за поучение ко злодеяниям. Ах, друг! Господи, спаси нас. Спаси город Арзамас... Житье здесь — желтое. Полиция принимает меня за фальшивого монетчика, и когда я нищему гривенник дам, полицейский, стоящий под окном моим, гривенник-то этот зубом пробует. Вообще — доезжают! Пришел, наемни, пристав, сел на стул вроде папы римского и говорит: «Во всякое время дня и ночи могу входить к вам и вызывать вас к себе. И о всяком приезжающем в дом ваш — имею право требовать от вас всяких сведений». Я — испугался. И как раз на другой день мне пришлось дать сведения в полицию, что вот: имею счастье донести вашему [благородию], что ко мне прибыли: Малюта Скуратов, служащий по мн. внутр. дел, а с ним знаменитый пиротехник Равашоль, ищущий занятий по своей специальности. Не поверили.

Туго живу, Леонушко! Травят, как волка. Жене твоей кланяюсь.

Тебе — крепко жму руку
АЛЕКСЕЙ, нижегородский
и арзамасский.